

РАССКАЗ МЕЩАНИНА ПЕТРА КОНДРАТЬЕВА.

Отец мой был казанский уроженец и любил свою сторонку, да пришлось ему переселиться в Москву, волей-неволей. Мы жили с ним во время Француза у моего двоюродного брата, у купца Шемякина, около Петровского монастыря, в том самом доме что теперь Соколова. Я тогда был по шестнадцатому году.

Как прошли слухи о Бонапарте, что он на нас идет, все куражились и посмеивались, да обещались неприятелей шапками закидать. Картинки тоже разные выходили, народу для потехи, и после Француза их много было. Одну я и теперь помню: нарисованы два молодца, ратник Гвоздило, да Иван Молотило. Подымают они Француза на вилу и приговаривают: „легче ржаного снопа". Опять же генерал-губернатор всех ободрял что не сдадут, мол, Москвы, бояться нечего.

Да не долго покуражились. Как стали после Бородинского дела привозить сюда раненых и начали поговаривать что неприятель идет прямо на Москву, так догадались что шутка-то плоха и стали все собираться в путь. Кабы загодя хватились, так совсем не то бы было, а как все-то вдруг поднялись, приступа ни к чему нет: которая лошадь стоит сто рублей, давай за нее триста. За дрянную телегу до пяти-десяти рублей платили. Что добра-то погибло даром, да и народу не мало погибло. Было бы знато вперед, так лысаго беса кажется в Москве бы не осталось. Нечто кому любо было свое доброе на разграбление отдавать и Французам прислуживать. Сильно тогда все серчали на графа Растопчина.

В последние-то дни, пред тем как им придти, страсть что на улицах закипело. Иной раз куда пойдешь, так не продерешься сквозь толпу: тут и пешие, и экипажи, и телеги доверху навьюченные. А около застав, просто света представление! Вывозили тоже все казенное добро и из присутственных мест все вывозили. Казенное приказано было вперед пропускать, а прочие-то иные ждали часов по пяти чтобы дошел до них черед.

Сперва-то народ роптал, что господа выезжают, а его выдают без защиты неприятелю. Которыя барыни выбирались, Бог с ними, потому женское дело, беде-то не помогут, да еще пожалуй себя на поругание нехристям отдадут, а мужчинам не след бежать. Так-то в народе поговаривали. Начальство даже боялось как бы от своих каких бед не произошло. Иные дворяне от страха наряжались в женское платье, а бакенбарды подвязывали, будто зубы болят, * да так и выезжали из города. А уж тут как очень-то опустела Москва, стал и народ из нея выбираться, потому один и в поле не воин. Только те остались кому некуда было идти.

Пришлось и мне с отцом здесь оставаться. А Шемякин забрал что у него было денег, да вещей ценных, и уехал со своим семейством. Он экипажами торговал, и много карет и калясок оставил в своих сараях. Заведение у него было большое. Заготовленную провизию в погребах предоставил он в нашу пользу.

* Истина этих подробностей не подлежит сомнению. Анна Петровна Юшкова (в последствии г-жа Зонтаг), которой было тогда лет около тридцати, собиралась оставить Москву съ младшею сестрой и одиннадцатилетним ребенком, который воспитывался у Юшковых. Один из их родственников вызвался ехать с ними и надел для безопасности иkenое платье, шляпку и шаль, которою прикрыва.иъ гладко выбритый подбородок. Путешественники сели въ дородную каляску и выехали благополучно за заставу. Но тут они встретили толпу ратников, которые их остановили. „Куда едете?" спросил один. „К себ в имение", отвечала Анна Петровна.—„Так уж видно все Москву локидают", заговорили в толпе, „видно не жаль выдать ее врагу на разграбление".... „Добрые люди", отвечала Анна Петровна, „ведь вы видите, мы женщины, да ребенок с нами, мы помощи никакой принести не можем".—„Да вас-то мы не держим, а этих нам оставьте." Они указывали на кучера и на

лакея. „Как же вам кучера отдать? Кто мне на козла сядет?“—„А намъ чтб за дело! Хоть сома полъзай! Мы этих молодцов не отпустим“, и все обступили каляску. „Пошел!“- крикнула Анна Петровна. Кучер ударил по лошадям, добрая четверня двинулась, толпа разступилась, и каляска помчалась по мостовой.

Как проводили мы наших хозяев, говорит мне отец: „Соберем-ка и наше добро, Петруша, да припрячем его“. И решили мы разобрать крыльцо и подъ него все попрягать. Так и сделали, и все наше добро уцелело.

Первое сентября наша армия чрез Москву проходила. Все разспрашивали солдат, кто говорил что Француз идет, а кто говорил что придут к нам на помощь Англичане да Шведы. На другой же день пробежало мимо нас несколько человек и кричат: идуть! Пошли и мы посмотреть. Отец говорит: „сейчас узнаем кои наши злодѣи“. Смотрим: они валят в разныхъ мундирах по Страстному бульвару. Народу сбежалось человек двести и смотрят на них. Вдруг несколько солдат бросились на наших и давай их обыскивать. Женщины подняли крик: с них стаскивали платки и салолчики, с мужчин платья и сапоги: обобрали человек двадцать. Толпа мигом разбежалась; ушли и мы.

Я через силу добрел домой: со страха ли, с чего ли другаго, а словно я весь ослабл. Лежала у нас перина на полу, я на нее повалился и заснул. Вдруг слышу хлопнула дверь и загремели саблями и шпорами. Так и замерло во мне сердце, открыл я глаза, а лежу не шелохнусь, и вижу входят двое и что-то по-своему лепечут. Комнату осмотрели, а въ комнате кроме стульев да пустых столов нет ничего, да иконы без риз. Висели только в углу стенные часы в медной оправе. Молодцы их сейчас сняли со стены, вынули свои сабли, обобрали медь и ушли.

Мы заперли ворота и легли спать. Еще с вечера занялся пожар, да мы сначала-то не испугались: мало ли мы пожаров видали! И в голову почти не приходило, что он всю почти Москву охватит. А как проснулись на разсвете, так всплеснули руками, видим огонь уж очень разгулялся. Горько нам стало: и враги пришли на Москву горемычную, и пожар ее истребляет. Неужели совсем от нас Господь отступился? Сидим это мы с отцом и горюем. Стучатся; делать нечего—отперли. Пришли к нам трое, один весь в орденах, видно командир, и прямо пошли они к каретному сараю. Это они верно видели что на вывеске экипажи нарисованы. И сарай мы им отперли. Они осмотрели экипажи и выбрали карету, только дышла не было к ней еще приделано. А командир по-русски говорил и спрашивает, можно ли ему в исправность карету привести? Лежало тут старое дышло, я его сейчас обстрогал где следовало и приделал к карете. Командир и говорит отцу: „Я за ней пришлю, а ты старик не горюй, что я ее беру, не я бы взял, так огонь бы взял. Вишь что вы затеяли! Своего добра видно не жалеете! А чтобы ваши солдаты васъ не безпокоили, я велю прибить записку к воротам!“ А меня он потрелал по плечу, вынул кошелек и дал мне талер. „На, говорит, хлопец.“

Как они ушли, отец говорит: „Это, говорит, Поляк, потому у нихъ такой обычай: всех хлопец, да хлопец.“ Через часик эдак, не больше, молодцы что с ним приходили привели лошадей и увезли карету, а к воротам прибили большую бумагу исписанную.

Остались мы одни с отцом, и страх нас пробрал: заглянешь на улицу, все пусто, хоть шаром покати, а пожар все разгарается да разгарается. На другой день слышимъ крик и в ворота стучатся. Побежали мы отпирать, и повалили к нам на двор человек двести. Ничего они нам не сказали, а прямо вошли и поселились у насъ, которые въ доме, которые в сараях. А нас они не стесняли: мы в своей комватке и остались.

Живут у нас денька два, либо три, какъ стал пожар к нам приближаться. За вашимъ домомъ все горело. Отец говорит: „Уйдемъ, Петруша, здесь нельзя оставаться“. Жил на Самотеке его земляк, Иван Васильевич Баулив, и думал отец к нему пробраться. Ушли мы с пустыми руками, только я сунул свой талер в карман. Лишь мы заворота, нагрянули на нас два нелприятельских солдата. Один меня мигом обыскал и отнял у меня талер. Другой хотел сапоги с отца стащить. Отецъ было за нихъ заступился, злодей и замахнулся на него саблей. Бросился отец на колени и поднял руки кверху, сталь и я за него молить. Тогда сол-

дат что меня обшарил схватил за руку товарища, сказал ему что-то и махнул нам рукой чтобы мы шли. Как добрались мы до переулка что за Каретным рядом, нас словно паром обдало: кипит ад крошечный. Слева горит Каретный ряд, а справа фабрика Карташева. Надвинули мы шапки на головы, да прикрыли лицо руками, чтобы глаз не спалило, и идем. От дыма да от жары дух у нас захватывало. Пред нами шагах в двадцати шла женщина; вдруг она зашаталась и упала что сноп на землю: видно у нея от дыма в глазах помутилось. Не успели мы к ней подойти, уж ее головни засыпали, а мы побрели дальше и молитвы про себя творим.

Приходим на Самотеку, прямо к Ивану Васильевичу. Обрадовался он нам: „Милости просим, говорит, да тесненько вам у меня будет; мой домишко пока уцелел, да ведь у меня семейство, живем не широко, а как есть в свином хлеву, ну и вас как-нибудь приютим". Отец говорит: „Спасибо, земляк, а утруждать мы вас не хотим: будем ночевать у тебя в саду, благо погода стоит красная. Такое времячко пришло что не до жиру, а быть бы живу". — „Ладно, говорит Баулин, у меня в саду уж и так гостей не мало, человек двадцать будет, тоже скитальцы безприютные."

В саду мы спали все в повалку на сырой земле. С утра разойдемся бывало за съестными запасами. В то время не разбирали что твое, что мое, а кому что Бог пошлет, значит на всю братию. В огородах ли капуста либо картофеля достанем, в соседних ли погребах чего, жена Баулина приготовит, вот мы и сыты.

Прожили мы у него денька три. Тем временем в этой стороне пожар затих и пошли мы с отцом поглядеть что у нас делается. Приходим, все кругом обгорело, а дом наш цел. Перекрестились мы: слава Тебе, Господи! Входим во двор—пуст, и покои обошли, везде пусто. Знать наши гости тоже пожара испугались, да убрались по добру по здорову. На другой день глядим, опять побаловали. Смеются и с нами раскланялись, точно мы век вместе вековали. И мы им обрадовались: обижать они нас не обижали, и мы за ними спокойно жили, ПОТОМУ где были начальники, солдаты шалить не смели.

Как вернулись они к нам, отец и говорит: „Приглашу я, говорит, Баулина, чтоб он к нам со своими перешел. Он нас приютит, а теперь мы его: долг платежом красен. Живет он один, и всякий его обидеть может, а нас никто не тронет". Пошел он к Баулину и привел его к нам со всем семейством. Да еще привел он старушку, свою землячку. Скиталась ли она без пристанища, да он ее встретил, или из дома ее взял, уж того я не припомню.

Наши Французы что ни день ходили на добычу и приносили разных вещей и съестного приносили. А наших запасов они не видали, потому много было у вась погребовъ и мы свое добро припрятали. Около нашей комнатки была кухня и мы бывало затопим печь ранехонько по утру и приготовим себе поесть дня на два либо на три. А где Французы готовили себе обед, я не помню, или может они готовые запасы приносили. С начала-то им всего было в волю и даже нас, бывало, угощали, а тамъ уж и сами нуждаться стали. Увидят что едим — отымут: ведь голод-то не тетка. Помню я, раз отец ел яйцо крутое, так чтоб они не видали. Вдруг приходит Француз и приступает: „дай яйцо кое-что они выучились порусски-то лепетать, все съестное называть умели: хлеб, масло, вино, яйца, вода—все знали, а уж мы привыкли и понимали. Отець говорит: „Нет у меня яиц, мусье. Откуда я про тебя возьму?" Французъ подвел его в угол и показывает ему скорлупы: это, мол, что? Как отецъ ел, такъ их побросал. Уличил его мусье, делать нечего, принесли мы ему десяток яиц.

Шутники такие были! Принесли они раз боченок спирта, налили въ стакан и отца угощают, а сами переглядываются. Отец поднес к губам и не стал пить: „это, говорит не добре!" Расхохотались они, что Русский-то догадался.

А уже под конец очень они приуныли: и запасов-то самая малость осталась в городе, да и холода настали. Угрюмые такие ходят, и станут, бывало, бранить Бонапарта. Из их разговора-то мы это понимаем что они ругаются и все его поминают.

До самой последней минуты как им из Москвы выходить, они у нас оставались. А ушли они, собрались вдруг и нам ничего не сказали. Видим мы только что они все увязывают и укладывают, и были таковы. Тут глядим, через полчасика, не больше, один вернулся за

кулем муки, что они же принесли. А я схватил куль, ему не отдаю. Он было на меня, да я его пихнул, и он упал. Встал и ушел, хорошо что за ум взялся, я б ему этого куля ни за что не выдал. Будет и того, что они нас пять недель с лишком грабили; сколько тогда наших по миру скитались, да голод терпели.

А ведь и им не пошло в прок наше добро. Мы не видали как они от нас уходили, а которые видели так сказывали что другой нищий не в такой крайности. А богатство что они из церквей вывезли да из домов все на дороге побросали. И сам-то Бонапарта, я чай, не рад был своей прыти: сидел бы дома, так верней бы было.

**Дом купца Шемякина-Соколова.
Ул. Петровка д.21**